

Синтез в экономической политике на примере банковского сектора Китая в период Нанкинского десятилетия (1928–1937). Роль неформальных связей

Мария Семеновна Круглова

Институт экономики РАН, Москва, Россия, e-mail: mashakruglova999@gmail.com

Цитирование: Круглова М.С. (2022). Синтез в экономической политике на примере банковского сектора Китая в период Нанкинского десятилетия (1928–1937). Роль неформальных связей. *Terra Economicus* 20(4), 75–86. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-75-86

В статье анализируется формирование банковской системы Китая на протяжении Нанкинского десятилетия (1928–1937). На начало исследуемого периода банковский сектор Китая являл собой мозаичное полотно, состоявшее из зачастую не связанных воедино объектов. На территории, подконтрольной западным державам, действовали крупные иностранные банки, в регионах работали традиционные финансовые учреждения, в Шанхае сложилась полноценная независимая банковская система, коммунисты выпускали свою валюту. В статье использован институциональный подход, учитывающий роль формальных и неформальных каналов связи между субъектами экономической деятельности. На примере модели взаимодействия «государство – банковская система – реальный сектор экономики» того периода показана роль неформальных практик в ходе реализации государственной экономической политики. На фоне неустойчивости формальных институтов и нестабильности правоприменительной практики при регулировании взаимодействия финансового и реального секторов экономики Национальное правительство предприняло попытку создать новую современную банковскую систему по западному образцу, соединив ее с традиционным для китайского общества институтом неформальных связей «гуаньси». Подобный синтез не был запланирован, напротив, проявился уже в процессе создания и преобразования банковского сектора. Он выразился во внедрении в директораты банков близких правительству или партии людей, которые могли занимать управленческие позиции одновременно в нескольких банках, реализуя государственную промышленную политику. В результате удалось не только стабилизировать финансовый сектор страны, но и обеспечить существенный прогресс в промышленности и торговле, реализованный благодаря притоку банковского финансирования.

Ключевые слова: Китай; гуаньси; Нанкинское десятилетие; банки; неформальные институты; синтез в экономической политике

Banking sector in China during the Nanjing decade (1928–1937) as an example of synthesis in economic policy. The role of informal ties

Maria S. Kruglova

Institute of Economics RAS, Moscow, Russia, e-mail: mashakruglova999@gmail.com

Citation: Kruglova M.S. (2022). Banking sector in China during the Nanjing decade (1928–1937) as an example of synthesis in economic policy. The role of informal ties. *Terra Economicus* 20(4), 75–86 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-75-86

The article analyzes the emergence of the Chinese banking system during the Nanjing Decade (1928–1937). Before the Nanjing Decade Chinese banking consisted of unrelated objects. Foreign banks operated in the territory controlled by the Western powers, traditional financial institutions acted in the regions, a full-fledged independent banking system operated in Shanghai, the communists issued their own currency. The author studies the development of banking system of the Republic of China and its further interaction with the real sector, considering the role of formal and informal communication channels. The role of informal practices during the implementation of the state economic policy is shown. In view of the law enforcement practice instability in regulating the interaction between the financial and real sectors of the economy, the Kuomintang Government attempted to create a new modern banking system following the Western model combining it with the institution of informal ties “guanxi”. Such a synthesis was not planned, it appeared during the reform process. People close to the government, or the party were introducing into the directorates of banks. They could hold managerial positions in several banks at the same time, implementing the state industrial policy. Thus, it was possible not only to stabilize the country’s financial sector, but to ensure significant progress in industry and commerce.

Keywords: China; guanxi; Nanjing Decade; banks; informal institutions; synthesis in economic policy

JEL codes: B15, N25

Несмотря на чрезвычайную запутанность и хаотичность
китайской денежной системы,
представляющей пеструю мозаику из элементов,
относящихся к совершенно различным историческим эпохам,
каждый исследователь старается выйти возможно проще
из лабиринта проблемы китайских денег,
пользуясь компасом европейско-американской денежной теории.

Штейн, 1928: 67

Введение

После длившейся чуть более десяти лет эры милитаристов (1916–1928), прошедшей в постоянной борьбе за власть между военными группировками, в Китае наступил период относительного покоя и централизации власти. Чан Кайши¹ успешно завершил Северный поход² (1926–1927),

¹ Чан Кайши (1887–1975, 蔣介石 Цзян Цзешань) – лидер партии Гоминьдан с 1925 г.; президент Китайской Республики (1950–1975).

² Северный поход (1926–1927) – поход Национально-революционной армии Китая под руководством Чан Кайши в целях объединения страны военным путем.

что означало формальное подчинение большей части милитаристских группировок гоминьдановскому правительству³. Таким образом, в 1928 г. формальная власть Гоминьдана распространилась почти на весь Китай. Нанкинское десятилетие (далее – НД) (1928–1937) стало одним из ярчайших периодов в истории Китая. Различные социальные и экономические процессы, с одной стороны, шли под влиянием растущего национального самосознания, с другой – были реакцией на мировую экономическую и политическую обстановку.

Правительство понимало необходимость проведения глубоких структурных реформ во всех сферах жизни страны. Одним из приоритетных направлений было формирование современной банковской системы и выстраивание институтов денежно-кредитной политики. Изучению этого процесса посвящен широкий круг работ. Банковская система НД рассматривается с точки зрения влияния на нее западных стандартов и теорий (Wang, 2020; Goetzmann and Ukhov, 2001). С другой стороны, многие исследования акцентируют внимание на практическом значении банковской системы НД: на отношениях между китайским финансовым сектором и предпринимателями (Wright, 1991), взаимодействиях банков друг с другом (Kong, 2019), ходе банковской и денежных реформ (Weigelin-Schwiedrzik, 2013; Voescking, 2011; Li, 2009; Qiu, 1997). В российской научной среде развитием банковской системы в период НД плотно интересовались такие исследователи, как В.М. Штейн (1928) и А.В. Меликсетов (1977). Штейн уделял особое внимание экономическому кризису в начальный период НД. Развитие финансовой системы в период НД характеризует А.Н. Карнеев (2013)⁴. Несмотря на большое число исследовательских работ, вопрос влияния неформальных связей на развитие промышленности раскрыт лишь частично. Поэтому в данной статье мы сфокусируемся на проблеме взаимосвязи банковского и реального секторов экономики в период НД и влияния институциональных характеристик банковской системы на реализацию денежно-кредитной и промышленной политики гоминьдановского правительства.

Вопрос о воздействии институциональной среды на специфику финансирования реального сектора поднимался в работах С.Г. Кирдиной-Чэндлер (Кирдина, 2013). Известны также исследования влияния институциональной среды на формирование банковской системы (Kirdina and Vernikov, 2013) и денежное обращение (Кирдина-Чэндлер, 2021). Однако в этих исследованиях упор был сделан на анализ формальных институтов. В них, как и во многих других работах, посвященных этой теме, не уделяется достаточного внимания неформальным практикам и их роли в организации взаимодействия между банковским и реальным секторами экономики. Настоящее исследование направлено на то, чтобы восполнить этот пробел.

Гипотезой данного исследования выступает предположение о том, что роль неформальных практик, личных связей и опоры на традиционные формы взаимодействия оказывается не менее важной, чем формально внедряемые нормы, регулирующие банковский и реальный секторы. Предстоит проверить утверждение о том, что правительство Гоминьдана через банковский сектор контролировало или даже направляло финансовые потоки в определенные промышленные отрасли, а также через заинтересованность в прибыли финансовых элит держало в руках всю экономическую деятельность подконтрольных территорий. Также будет проанализирована роль конкретных «действующих лиц» в контексте влияния неформальных институтов на движение капитала.

В первом разделе статьи дается краткая характеристика финансовой системы Китая до НД. Во втором разделе рассматривается реформа банковской системы в Китае в период НД. В третьей части исследуется вопрос взаимодействия государства и реального сектора экономики, передаточным звеном в котором выступала банковская система, чьи институциональные особенности непосредственно определяли характер этого взаимодействия. Наконец, в последней части статьи изучаются неформальные связи между государством, банковской системой и предпринимателями.

³ Гоминьдан (中國國民黨, Чжунго Гоминьдан, буквально: «Китайская Национальная партия») – правящая политическая партия в Китае в 1928–1949 гг., на Тайване – в 1949–1996 гг. Возникла после Синьхайской революции 1911–1912 гг. в результате слияния союза Тунмэнхуэй, который возглавлял Сунь Ятсен, с несколькими либеральными объединениями, выступавшими за парламентскую республику, против монархических притязаний президента Юань Шикая.

⁴ См. «Нанкинское десятилетие (1928–1937). Экономика и финансы» в «История Китая с древнейших времен до начала XXI века», Том 7 (2013).

Банковская система Китая до НД

Исторически китайское правительство контролировало высшие и средние административные органы, однако на низших уровнях административное управление традиционно оставалась в руках богатых семей. Эта могущественная элита была представлена крупнейшими землевладельцами, которые составляли наиболее экономически сильный слой, часто выполняя функции местных ростовщиков. Их детей отправляли на учебу, чтобы они заняли ключевые посты в местной или провинциальной администрации. Таким образом, местный уровень часто характеризовался очень тесной личной взаимосвязью между правительственным аппаратом и наиболее экономически сильными группами. Эта элита в действительности располагала почти неограниченными полномочиями в местных делах и слабо зависела от центральной власти. Банковская сфера также была довольно автономной. Государство почти не вмешивалось в её деятельность. Внутренний денежный рынок был сформирован институтами, восходящими к XVII в., ориентированными на денежные и финансовые операции традиционных китайских предприятий и потребителей. Они возникли как продукт местных нужд, остались независимыми от поддержки и надзора со стороны властей и создали местные саморегулируемые гильдии, которые способствовали поддержанию децентрализованного состояния и привычных методов управления и бизнеса.

Что касается местных банков, то они служили связующим звеном между традиционными китайскими финансовыми рынками и торговыми операциями. В отношении функций денежных учреждений в национальной финансовой сети существовало взаимовыгодное разделение труда между местными банками, иностранными и новыми китайскими банками. Ни иностранные, ни новые китайские банки регулярно не выдавали ссуды напрямую торговцам для поддержки торговли сельскохозяйственной продукцией, что являлось как раз одной из основных функций местных банков. Ключевыми институтами национальной финансовой сети были местные банки. До 1933 г. финансирование международной торговли Китая контролировалось иностранными банками; внутренняя торговля контролировалась местными банками; однако для современных банков Китая всё ещё оставалось мало места (Ма, 2008).

Иностранный банковский сектор пришел в Китай во второй половине XIX в. Иностранные банки были расположены в нескольких договорных портах, при этом Шанхай стал наиболее важным финансовым центром. На основании уступок имперского правительства крупным державам эти учреждения были юридически освобождены от юрисдикции китайских властей и действовали под контролем иностранных правительств. Их основная деятельность заключалась в обеспечении международной торговли и присутствия международных компаний в Китае. В Шанхае банки по обмену иностранной валюты также управляли импортом и экспортом серебра и транзакциями в международной валюте. Учитывая такие правовые и экономические условия, эти банки оставались институционально отличными от остальной финансовой системы Китая.

На момент начала НД финансовая система в Китае также не была централизована. В обращении находилось несколько валют, включая серебряный лян, серебряный юань, медные монеты и бумажные деньги. Кроме того, и центральное правительство, и местные органы власти, а также частные банки имели право чеканить монеты. В то же время право эмиссии банкнот не ограничивалось государством – этим правом обладали как китайские, так и иностранные банки. Кроме того, в качестве платёжного средства принимался и мексиканский серебряный доллар (Weigelin-Schwiedrzik, 2013). Таким образом, мы наблюдаем сложную и крайне разнообразную денежную систему, а по описанию некоторых исследователей – даже отсутствие системы как таковой (Штейн, 1928: 67), что противоречило целям нового правительства, а именно, индустриализации и модернизации.

Реформа банковской системы

На международном уровне появление единого Китая совпало с началом Великой депрессии (1929–1939). Хотя его международное присутствие было ограниченным, Китай не был полностью застрахован от последствий. Причинами ограниченного влияния было, во-первых, то, что

денежная система Китая основывалась на серебре, а не на золоте, как в большинстве стран. Во-вторых, из-за относительно низкого уровня экономических институтов и производственных мощностей китайская финансовая система не подверглась сильному влиянию кризиса. Следовательно, в первые годы Депрессии Китай не испытал массового падения цен. Китай ощутил влияние позже. Падение курса китайской серебряной валюты в какой-то мере защитило Китай от сильных потрясений с 1929 до конца 1931 г. С 1932 по 1934 г. экономика Китайской Республики начала плавно переходить от умеренного развития к рецессии. По мере углубления кризиса, в частности в 1933 г., паника проникла во все экономики мира. В том же году президент США Рузвельт инициировал ряд политических мер, направленных на преодоление кризиса. Были последовательно выпущены 16 основных законов о восстановлении экономики, восемь из которых касались финансов. Среди них были Закон о банках 1933 г. и Федеральный закон о ценных бумагах (Weigelin-Schwiedrzik, 2013: 190). В тот период также было принято решение об отказе от золотого стандарта. Все это способствовало тому, что национальное правительство Гоминьдана, наконец, осуществило политику по «отмене лян и принятию юаня».

Власти Гоминьдана пытались построить эффективную китайскую центральную банковскую систему на основе теорий Эдвина Кеммерера⁵ (Wang, 2020). Одной из них была централизованная финансовая система, полностью обеспеченная золотым резервом. При создании современной банковской системы Чан Кайши учитывал мнения и других западных специалистов, таких как Артур Янг (1863–1947). Первоначально благодаря предложенному Кеммерером плану развивать китайскую финансовую систему на основе золотого стандарта стандарт серебряного доллара должен был стать переходным этапом между старым стандартом серебряного лян и будущим золотым стандартом. Однако из-за неустойчивого внутреннего финансового положения и Закона США о закупке серебра 1934 г. для Китая стало невозможным привязать свою валюту к серебру из-за его фактического дефицита. Вместо этого с 1934 по 1935 г., после трех раундов китайско-западных переговоров, Китай внедрил систему бумажных денег фаби, стоимость валюты которой основывалась на обменных курсах доллара США и британского фунта. Реформа была проведена в ноябре 1935 г., что положило конец двухтысячелетней истории использования Китаем драгоценных металлов в качестве валютных стандартов.

Осенью 1928 г. был учрежден Центральный банк Китая (中華民國中央銀行, Чжунхуа Миньго Чжунъян Иньхан, Central Bank of the Republic of China). Его капитализация обеспечивалась только за счет государственных средств. Ввиду неразвитости национальной банковской системы уставом Центрального банка предусматривалось множество функций, не свойственных центральным банкам, например, хранение сберегательных вкладов граждан. В полное подчинение Центробанку перешли два важнейших банка – Банк Китая⁶ (中國銀行, Чжунго Иньхан, Bank of China) и Банк коммуникаций⁷ (交通銀行, Цзяотун Иньхан, Bank of Communications). Оба были реорганизованы в банки смешанного типа путем внесения правительственного взноса – 5 млн юаней и 2 млн юаней соответственно. Банк Китая должен был курировать внешнюю торговлю, а Банк коммуникаций получил промышленную специализацию. С учреждением Центробанка у правительства появилась возможность направлять на его счета средства от таможенных сборов и соляной монополии, которые раньше хранились в иностранных банках (Меликсетов, 1977: 55). Важным событием явилось принятие в декабре 1930 г. закона «О крестьянских союзах», по которому крестьяне получали право создавать организации, основанные на принципах взаимопомощи. Через три года был открыт Китайский крестьянский банк⁸ (中国农民银行, Чжунго Нунминь Иньхан, Agricultural Bank of China) с основным капиталом в 4 млн юаней (Панцов, 2019: 183), который стал предоставлять крестьянам дешевые кредиты.

⁵ Эдвин Кеммерер (1875–1945) – президент Американской экономической ассоциации, профессор экономики в Принстонском университете и всемирно известный Доктор денег, который помог построить центральные банки в различных странах Латинской Америки, Европы и Азии.

⁶ Банк Китая был основан 5 февраля 1912 г. путем преобразования банка Ta Ching Government Bank (Банк Великой Цин). Он является старейшим банком Китая из ныне действующих.

⁷ Банк коммуникаций был основан в 1908 г. для финансирования развития транспортной инфраструктуры в Китае, в частности выкупа у бельгийцев железной дороги Пекин – Ханькоу.

⁸ Китайский крестьянский банк основан 1 апреля 1933 г. на базе «Крестьянского банка провинций Хэнань, Хубэй, Аньхой и Цзянси».

В результате сформировалась банковская структура, которую иногда иносказательно называют «Троецарствием» финансового рынка Китая (Cheng, 2003: 10): традиционные провинциальные финансовые институты, иностранные международные банки и новые банки (Kong, 2019: 13). Однако есть и более подробные классификации банковской системы того времени⁹. Так, Шанхайская ассоциация банкиров в Bank Year Book 1936 г. выделяет шесть уровней банковской системы НД.

1. Группа Центрального банка. Это крупные государственные банки под руководством и контролем центрального правительства. Центральному банку принадлежала часть акций этих банков. В эту группу вошли четыре банка: Центральный банк Китая, Банк Китая, Банк коммуникаций и Крестьянский банк Китая.

2. Коммерческие и сберегательные банки. Ежедневные операции этих банков охватывали коммерческие и прочие операции, включая сберегательные и инвестиционные. Эти банки, как правило, имели более широкую сеть филиалов, а их штаб-квартиры находились в одном из крупных мегаполисов. Банки этой категории составляли основную массу от всей банковской системы НД.

3. Провинциальные и городские банки. Они были созданы местными властями в результате политической децентрализации после падения империи Цин в 1911 г. Степень их автономии от центрального правительства варьировалась в зависимости от уровня политического контроля Гоминьдана над местными органами власти. Основные функции включали, помимо прочего, обработку и координацию денежных операций на местном уровне, таких как сбор налогов.

4. Сельскохозяйственный и промышленный банки. Финансовые учреждения, отнесенные к этой группе, представляли собой банки, деятельность которых сосредоточивалась на сельскохозяйственных и промышленных кредитах. Многие банки в этой группе создавались государством, в некоторых случаях – местными властями с целью поддержания экономики на местах.

5. Специализированные банки. Хотя спектр задач этих банков пересекался с коммерческими и сберегательными банками, они уделяли особое внимание конкретным отраслям, таким как шелкопрядание, добыча полезных ископаемых или соли.

6. Зарубежные китайские банки. В эту группу помещались банки, владельцы которых были этническими китайцами, но штаб-квартиры банков находились за пределами материкового Китая, в первую очередь в британской колонии Гонконг. Они выполняли функции посредников между иностранными и местными китайскими банками (Kong, 2019: 18).

В 1936 г. с учетом государственных вложений в частные банки правительство контролировало 49% общего банковского капитала Китая и 61% их активов. В сложившихся условиях государственные банки предпринимали попытки включиться в промышленное производство, железнодорожное строительство, создание паромных компаний, стремились привлечь частный капитал к совместной предпринимательской деятельности (Меликсетов, 2002: 500). Значительный рост государственного и частного банковского капитала сопровождался постепенным «осовремениванием» денежного рынка, ослаблением роли традиционных кредитных институтов – меняльных контор, ломбардов, мелких банков. В предвоенное десятилетие их число сократилось в два раза. Особенно сильный удар нанесла им денежная реформа 1935 г., прекратившая обращение серебра, сделками с которым в основном и занимались эти учреждения (Меликсетов, 2002: 502).

Взаимодействие бизнеса и государства в период НД

Одним из направлений взаимодействия бизнеса с государством в период НД китайские предприниматели того времени видели совместные действия правительства и частных банков по предоставлению доступных кредитов для реального сектора экономики. Головной болью вла-

⁹ Стоит оговорить, что на территории, подконтрольной коммунистам, действовала своя финансовая система. 1 февраля 1932 г. был создан Национальный банк Китайской Советской Республики во главе с Мао Цзэмином. Центральный монетный двор выпускал три вида валюты: бумажную купюру, медную монету и серебряный юань (см. Sandrock, J. (undated). The money of communist China (1927–1949): Part I. *The Currency Collector*. http://www.thecurrencycollector.com/pdfs/The_Money_of_Communist_China_1927-1949_Part_I.pdf).

дельцев хлопковых мануфактур в то время было привлечение кредитных средств для развития. Государство частично оправдало надежды и весной 1935 г. выделило определенную сумму, а также создало рынок векселей. Однако эти мероприятия натолкнулись на финансовую и политическую слабость государства, которое не могло с правовой точки зрения полностью обеспечить выдачу кредита и его обслуживание. В то же время само государство скорее было заинтересовано в расширении собственной власти и возможностей получить дополнительный доход (Wright, 1991: 659).

Промышленники жаловались на чрезмерную концентрацию банковских активов в государственных облигациях. Поступая таким образом, банки открыто пренебрегали интересами предпринимателей, испытывавших инвестиционный и кредитный голод. Банкиры не считали поддержку промышленности первостепенной задачей. Чжан Цзяо позже писал: «Сельскохозяйственный и промышленный кредит не входил в компетенцию Банка Китая» (Wright, 1991: 659), а один из ведущих частных банкиров Китая, Чэн Гуанфу, жаловался: «Некоторые люди имеют ошибочное представление, что функция банка состоит в том, чтобы помогать... промышленности» и утверждал, что «основным является деловой мотив, а не идея помощи людям... Идея помощи промышленности не очень сильна». Вместе с тем Чжан признавал, что «во время национального кризиса Банк [Китая] должен взять на себя инициативу помощи промышленности» (Wright, 1991: 659).

На самом деле, вопреки риторике, к концу 1920-х гг. современные китайские банки уже были основным источником средств для предприятий, находившихся в затруднительном положении (Wright, 1984: 151–152; Yan Zhongping, 1963: 228–39). Кроме того, банки брали на себя роль предпринимателей, например, через Китайскую финансовую корпорацию развития Сун Цзывэня, которую американский коммерческий атташе Джулиан Арнольд назвал очень полезным шагом в направлении сотрудничества с правительством (Arnold, 1934).

В начале 1935 г. промышленники потребовали от правительства спонсировать масштабную кредитную программу. Учитывая, что правительство хотело усилить контроль над банками, 20 марта 1935 г. министерство финансов объявило о выпуске облигаций на сумму 100 млн юаней. Но два дня спустя газета «Дагунбао» сообщила, что в планы государства на самом деле входило использовать эти 100 млн для покупки новых акций, которые банки были вынуждены выпустить, чтобы дать правительству контроль над двумя крупными частными банками в Китае: Банком Китая и Банком коммуникаций. На протяжении большей части 1935 г. продолжались дискуссии о пакете кредитов в размере 20 млн юаней для помощи промышленности, из которых 5 млн предназначались для малого бизнеса. Однако Ассоциация туземных (местных) банкиров отказалась сотрудничать, аргументируя это тем, что они уже были основными поставщиками кредитов для малого бизнеса, и тот еще не погасил кредиты на сумму не менее 2 млн юаней. Они не видели для себя смысла в участии в каком-либо новом синдикате (Wright, 1991: 660). Банки были готовы внести лишь часть суммы. Министерство финансов утверждало, что оно не может напрямую предоставить свою половину кредитных средств для малого бизнеса, и возложило ответственность на банки. Государство пошло на этот шаг только после дальнейшего усиления кризиса ликвидности, во время которого правительству пришлось предоставить кредит местным банкам, тем самым взяв этот сектор под свой контроль (McElderry, 1976: 177–178).

Государство само по себе обладало лишь ограниченными ресурсами, его масштабное участие в кредитовании промышленности было маловероятно. Поэтому правительство стремилось переложить задачу финансирования промышленности на других экономических субъектов. Так, в 1934 г. центральное правительство сослалось на собственные финансовые затруднения, пытаясь перенести ответственность за финансирование, например, шелковой промышленности на городское правительство Шанхая (Wright, 1991: 661).

Государственная поддержка реформы финансового рынка и особенно создание современного рынка коммерческих векселей предлагали менее дорогую, хотя и более сложную и проблематичную для китайской финансовой среды альтернативу. Производители шелковых изделий, заинтересованные в расширении внешних источников пополнения оборотного капитала, взяли инициативу в свои руки в марте 1935 г., попытавшись установить систему коммерческих вексе-

лей. Они обратились за переучетом в Центральный банк, который ответил, что, хотя это хороший способ увеличить ликвидность, банки должны будут согласиться на учет векселей, прежде чем Центральный банк сможет их переучесть. Собрание банкиров 2 апреля согласилось учесть векселя (Wright, 1991: 661), и схема была введена в действие. На практике, однако, масштаб действия подобной схемы оставался ограниченным и не имел существенного значения для работы отрасли.

Китайская промышленность мешала банкирам учитывать свои векселя и, таким образом, препятствовала формированию вексельного рынка. Правительство в итоге предприняло шаги по смягчению кризиса ликвидности, разрешив банкам включать банковские акцепты и казначейские сертификаты, выпущенные комитетом Объединенного резервного Совета шанхайских банкиров, в качестве депозита для законных платежных векселей (Wright, 1991: 662). Но восстановление прибыли в ответ на рост цен и спроса было более важным стимулом для финансового здоровья китайских компаний, чем какие-либо институциональные реформы.

Из сказанного выше становится очевидным, что правительству не хватало политических и экономических ресурсов для регулирования экономики. Неспособность Национального экономического совета¹⁰ помочь некоторым отраслям промышленности была в основном связана с нехваткой финансов, а министерство промышленности, хотя и более успешно устанавливало контроль над ключевыми областями торговли, редко могло собрать средства для создания новых предприятий (Wright, 1991: 667). Не хватало и политических ресурсов, поскольку контроль государства над обществом был ограничен как географически, так и институционально. Осознание этого правительством было одной из причин, по которой оно отдавало предпочтение саморегулированию отраслей.

Фактически рост китайской промышленности был в основном обусловлен индивидуальной инициативой. Однако по мере возрастания внешней угрозы со стороны Японии и внутренней – со стороны Коммунистической партии правительство вынуждено было расширить свой контроль над банковским сектором, чтобы обеспечить более интенсивный рост промышленного производства и, соответственно, налоговых поступлений в бюджет. Осознавая невозможность реализации поставленной задачи посредством взаимодействия с банковской системой на формальном уровне, правительство активизировало неформальные каналы связи.

Катайские банки как «социальная сеть»

Традиционно китайская политическая элита была сильно связана как социальными отношениями (гуаньси, 关系)¹¹, так и родственными связями. Период НД не преподнес сюрпризов в этой сфере. Так, реорганизацию банковского дела в Китае возглавляли близкие к Чан Кайши представители четырех семейств крупных финансистов – Цзян, Сун, Кун и Чэнь (Jing, 2014: 139). В Центральном банке самым влиятельным был Кун Сянси, Банк коммуникаций управлялся братьями Чэнь. Влияние братьев Чэнь основывалось на их положении в аппарате Гоминьдана. Чэнь Лифу был генеральным секретарем партии (1929–1932), главой ее Организационного отдела (1933–1936); с 1928 г. руководил отделом безопасности партии, затем Комитетом по расследованиям, в 1937–1945 гг. был министром просвещения; Чэнь Гофу руководил партийным аппаратом Гоминьдана на

¹⁰ Орган, созданный Национальным правительством Китайской Республики в 1931 г., для координации государственных экономических мероприятий. Был упразднен после начала войны с Японией.

¹¹ Гуаньси – китайский термин, в русском языке понимаемый как «связи», «кумовство», «круговая порука», «блат». В оригинале не несет в себе отрицательной окраски и обозначает помощь, поддержку, услугу. Эквивалентом этого эффекта в русском языке является термин «социальный капитал». Термин используется для описания отношений, которые могут привести к обмену услугами или «связям», выгодным для вовлеченных сторон. Формирование подобных «связей» происходит среди людей, у которых может быть общность идентификации, такой как происхождение или общий диалект, фиктивное родство (люди с одинаковой фамилией), родство (ближайшие родственники), место работы и дружба. Вовлеченные могут создать свою социальную сеть с помощью гуаньси. Такая сеть позволяет облегчить взаимный обмен услугами. Гуаньси обычно включает три подаспекта, в том числе эмоциональную связь, взаимный обмен услугами и межличностное доверие. На протяжении всей истории гуаньси играли важнейшую роль в китайском обществе. Гуаньси служили надежной заменой слабым социальным институтам. Подобные связи существовали во всех слоях китайского общества и позволили создать Нанкинскому правительству экономическую систему, в которой членам семей и друзьям чиновников и руководителей бизнеса предоставляются несправедливые преимущества в виде рабочих мест, кредитов, патентов, так называемый кумовской капитализм.

должности заведующего отделом кадров секретариата Чана. Банк Китая контролировался Т.В. Суном (Т.В. Сун, Сун Цзывэнь), и, что не менее важно, в Крестьянском банке Китая доминировали высокопоставленные офицеры китайской армии. Еще одна деталь характеризует близость правительственного аппарата с финансовой элитой того времени¹². А.В. Панцов в биографии Чан Кайши приводит его разговор с Сун Айлин, женой Кун Сянси и сестрой Сун Цзывэня, в ходе которого он просил ее убедить брата перейти на его сторону в политической борьбе. «Я заключу с Вами соглашение... Я не только повлияю на моего брата Т.В. <Суна> с тем, чтобы он, как вы хотите, ушел из уханьского правительства, но сделаю даже лучше. Он и я договоримся с шанхайскими банкирами, чтобы они выделили вам необходимые средства <для Северного похода>... Но взамен вы согласитесь жениться на моей сестре Мэйлин» (Панцов, 2019: 131). Таким образом, связь в финансовом секторе режима Чан Кайши была не только политической, но и родственной.

Неформальный уровень взаимодействия был характерен не только для линии «правительство – банки», но и определял внутриотраслевое взаимодействие между банками. Это наглядно показано в исследовании (Kong, 2019). Основной стратегией китайских банкиров было введение сотрудников своего банка в управленческую группу дочернего или «дружественного» банка. «Дружественность» банка определялась родственными или социальными связями членов управленческих групп этих банков. Это означает, что одно и то же лицо занимало официальные должности в двух (или более) финансовых учреждениях. Неформальные связи могли включать, например, членство в отраслевых ассоциациях, таких как Шанхайская ассоциация банкиров (Tamagna, 1942: 175). Связь могла быть основана на определенном месте рождения или учебном заведении, а также на совместном участии в групповых объединениях, таких как членство в клубах и организациях. Группы, связанные одним местом деятельности, несомненно, были важной характеристикой китайских финансовых учреждений (Kong, 2019). Сравнительно небольшое количество персоналий на руководящих должностях связывало воедино китайский банковский сектор.

Были и иные практики межбанковского взаимодействия: участие банков в уставном капитале других банков, реализация совместных проектов. Банки могли сотрудничать с другими учреждениями в финансировании общего инвестиционного проекта, в выпуске акций и облигаций или договариваться об особых условиях принятия банкнот друг друга (Kong, 2019). Именно тесные связи на уровне советов директоров делали возможными различные формы сотрудничества.

Иными словами, речь шла о сетевом взаимодействии финансовых учреждений. Присутствие в этой сети группы банков с государственным участием¹³, а также провинциальных и городских банков (Kong, 2019) давало правительству ключ для воздействия на банковский сектор. У правительства был выбор между несколькими вариантами систематического вмешательства в банковский сектор, в первую очередь – чистым регулированием, полной национализацией, индивидуальным или частичным владением акций какого-либо банка из правительственной группы или простым сотрудничеством. Правительство Гоминьдана частично владело группой Центрального банка и посредством этого получало влияние и даже контроль над всем финансовым сектором.

Тесное переплетение персоналий между советами директоров разных банков, а также включение финансовых элит страны в банковские и промышленные элиты – все это было использовано правительством для более активной реализации целей и задач денежно-кредитной политики (Eastman et al., 1991; Lan, 2015: 172).

Рост влияния правительства на финансовые институты очень хорошо виден на примере денежных реформ. Например, в 1916 г. правительство Пекина пыталось приостановить конвертацию национальной валюты, что вызвало резкое осуждение со стороны банкиров и местных элит. Спровоцированное этим шагом провозглашение независимости Банка Китая вынудило правительство в итоге отказаться от реформы (Cheng, 2003: 55). В 1935 г., напротив, националь-

¹² В своей работе «Четыре семейства Китая» один из коммунистических идеологов Чэнь Бода характеризовал подобное слияние четырех кланов (Чан (Цзян), Сун, Кун, Чэнь) с четырьмя основными китайскими банками того времени как преступное (Чэнь, 1948: 47–61). Подобное сращение стало основой для формирования и развития в стране кумовского капитализма.

¹³ Здесь подразумевается формальное государственное участие. Государство владело акциями этих банков.

ное правительство успешно провело денежную реформу при активном содействии со стороны банковского сектора (Young, 1971: 216). Хотя в 1916 г. этот сектор был значительно меньше, чем в 1935 г., меньшее участие правительства означало, что оно было недостаточно сильным, чтобы преодолеть сопротивление банков, в то время как контроль правительства над группой Центрального государственного банка и влияние групп в 1935 г. (Kong, 2019) были достаточно значительными, чтобы убедить и привлечь к сотрудничеству весь сектор.

Ядром влияния национального правительства были четыре перечисленных выше банка в группе центральных банков. На них был возложен ряд государственных функций, в том числе выпуск банкнот, контроль над иностранной валютой и внутренним денежным рынком, а также управление резервами. Каждый банк брал на себя определенные обязанности (Tamaña, 1942: 121).

Государственная собственность или, по крайней мере, значительный пакет акций какого-либо финансового учреждения означали, что правительство оказывало существенное влияние или осуществляло прямой контроль над назначением директоров группы центральных банков, например, членов правления Центрального банка Китая. Банк Китая находился под совместным контролем министерства финансов и общего собрания акционеров. Министерство финансов имело право определять председателя банка, девять из 30 директоров (Kong, 2019). Способность правительства регулировать состав директоров подразумевала, что создание сети взаимосвязанных директоратов центральной банковской группой и связи их с частными учреждениями было стратегическим выбором правительства. Гоминьдан успешно увеличил охват и силу своего влияния на внутренние финансовые институты и экономику в целом за счет захвата интересов элит, а не за счет регулирования.

В 1936 и 1937 г., казалось, что формально промышленная отрасль все еще находилась в основном под эгидой частного предпринимательства. Однако путем создания описанной выше сети банков государство неформально влияло на выдачу кредитов этим частным предпринимателям. Наблюдения показывают (Wright, 1991: 668), что во второй половине 1930-х гг. некоторые ранее убыточные предприятия, получившие поддержку, наконец стали выходить в прибыль. Например, хлопковое производство Жун Цзунцзина стало расширяться и в 1936 г. получило прибыль 3 млн юаней.

Кроме того, один из ведущих деятелей частного бизнеса Китая Чэнь Гуанфу, несмотря на свое несогласие с национализацией банков в 1935 г., с оптимизмом смотрел на китайское экономическое будущее: «Судя по моему опыту банкира, я сказал бы, что годы 1936–1937 были [хорошими] годами. Во-первых, стабильность в валюте... Во-вторых, не было повышения цен или сильного повышения цен. В-третьих, был прогресс в промышленности и торговле» (Wright, 1991: 671).

Конечно, говорить, что лишь подобная система управления повлияла на стабилизацию и развитие китайской промышленности, было бы ошибочно. Общее вмешательство, пусть и незначительное, и попытки регулирования промышленной отрасли через министерство промышленности и Национальный экономический совет также сыграли свою роль.

Подобная ситуация характерна для китайской банковской системы в период с 1933 по 1936 г. Так как эта сеть включала только современный финансовый сектор и исключала традиционные финансовые учреждения, а также иностранные банки, при этом владела двумя третями всех финансовых активов на территориях, подконтрольных Гоминьдану, можно сделать вывод, что именно на эту группу банков ложилось бремя обеспечения большей части экономической жизни в стране.

Заключение

Итак, в годы Нанкинского десятилетия (1928–1937), периода трансформации и внедрения новых для традиционного китайского общества управленческих практик в экономике, Национальное правительство обладало ограниченными ресурсами для финансирования промышленного роста на подконтрольных территориях. Ограниченный характер носили и возможности правительства по вовлечению банков в финансирование промышленного роста. Однако по мере нарастания угроз, скорее, неэкономического характера, правительство вынуждено было искать способы

мобилизации банковской системы для реализации целей денежно-кредитной политики страны, в том числе направленных на расширенное финансирование промышленности, а также военных кампаний против Японии и КПК. Для этого правительством была задействована совокупность формальных и неформальных каналов влияния на банковскую систему, которая, как показывают свидетельства современников и некоторые данные о прибыли предпринимателей, способствовала развитию китайской промышленности в столь непростой для нее исторический период. Чан Кайши унаследовал совершенно разрозненный и разношерстный финансовый сектор, но, несмотря на это, ему удалось его унифицировать и в некоторой степени стабилизировать.

Литература / References

- Карнеев А.Н. (2013). Нанкинское десятилетие (1928–1937). Экономика и финансы. *История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том 7 Китайская Республика 1912–1949*. М.: Наука – Вост. лит. [Karneev, A. (2013). Nanjing Decade (1928–1937) Economy and Finance. *History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century. Volume 7 Republic of China 1912–1949*. Moscow: Nauka – Vost. lit. (in Russian)].
- Кирдина С.Г. (2013). Институциональные модели финансирования реального сектора. *Журнал Новой экономической ассоциации* 2, 129–157. [Kirdina, S. (2013). Institutional models of real sector financing. *Journal of the New Economic Association* 2, 129–157 (in Russian)].
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2021). Новая «старая» институционализация денежного обращения в постсоветской России. *Journal of Institutional Studies* 4, 6–24. [Kirdina-Chandler, S. (2021). New «old» institutionalisation of money circulation in post-soviet Russia. *Journal of Institutional Studies* 4, 6–24 (in Russian)].
- Меликсетов А.В. (1977). *Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949)*. М.: Наука. [Meliksetov, A. (1977). *Socio-economic Policy of the Kuomintang in China (1927–1949)*. Moscow: Science (in Russian)].
- Меликсетов А.В. (2002). *История Китая: Учебник*. М.: Высшая школа. [Meliksetov, A. (2002). *History of China*. Moscow: Vysshaya Shkola (in Russian)].
- Панцов А.В. (2019). *Чан Кайши*. М.: Молодая гвардия. [Pantsov, A. (2019). *Chiang Kai-shek*. Moscow: Young Guard (in Russian)].
- Чэнь Бода. (1948). *Четыре семейства Китая*. М.: Государственное издательство иностранной литературы. [Chen Boda (1948). *Four Families of China*. Moscow: State Publishing House of Foreign Literature (in Russian)].
- Штейн М.В. (1928). *Очерки финансового кризиса в Китае*. Москва; Ленинград: Государственное издательство. [Stein, M. (1928). *Essays on the Financial Crisis in China*. Moscow; Leningrad: State publishing house (in Russian)].
- Arnold, J. (1934). *Papers. Report for the Week Ended June 9*. Stanford: CA Hoover Institution Archives.
- Boecking, F. (2011). Unmaking the Chinese Nationalist state: Administrative reform among fiscal collapse, 1937–1945. *Modern Asian Studies* 2, 277–301.
- Cheng Linsun. (2003). *Banking in Modern China: Entrepreneurs, Professional Managers, and the Development of Chinese Banks, 1897–1937*. Cambridge University Press.
- Eastman, L. et al. (1991). *The Nationalist Era in China, 1927–1949*. Cambridge University Press.
- Goetzmann, W. and Ukhov, A. (2001). China and the world financial markets 1870–1930: Modern lessons from historical globalization. *SSRN Electronic Journal*. Yale ICF Working Paper № 00-63. University of Pennsylvania.
- Jing Yangyang (2014). *Zhongguo shangye shi* (The history of Chinese commerce). Beijing: Zhongguo tiedao chubanshe.
- Kirdina, S., Vernikov, A. (2013). Evolution of the banking system in the Russian context: An institutional view. *Journal of Economic Issues* 2, 475–484.

- Kong, L. (2019). *Modern Chinese Banking Networks during the Republican Era*. University of Adelaide.
- Lan, R. (2015). *Transformation of China's Modern Banking System: From the Late Qing Era to the 1930s*. V. 1. Enrich Professional Publishing.
- Li Yongwei (2009). Zhongguo nanjing guomin zhengfu. Zhongyang yinhang huobi faxing zhidu shilun – yi zhengfu zhudao xia de zhidu shengcheng guocheng wei shijiao. Zhongguo shi yanjiu (The National Government of Nanjing, China. The History of the Central Bank's Currency Issuance System. From the Perspective of the Formation Process of the Government-led System. *Chinese History Research* 63, 303–322 (in Chinese).
- McElderry, A. (1976). *Shanghai's Old Style Banks (Ch'ien-chuang), 1800–1935*. Ann Arbor: University of Michigan, Center for Chinese Studies.
- Ma Junya (2008). Traditional finance and China's agricultural trade, 1920–1933. *Modern China* 3, 344–371.
- Qiu Songqing (1997). Lue lun nanjing guomin zhengfu de fabi zhengce. *Zhongguo shehui jingji shi yanjiu* (A Brief Discussion on the Fapi Policy of the Nanjing Nationalist Government. Research on Chinese Social and Economic History) 4, 79–84 (in Chinese).
- Tamagna, F. (1942). *Banking and Finance in China*. International Secretariat, Institute of Pacific Relations.
- Wang Hongsong (2020). *Central banking in war times: China, 1927–1949*. Madrid.
- Weigelin-Schwiedrzik, S. (2013). Reappraising the Nanjing Decade (1927–1937): Modernizing China during the old economic crisis. *International Studies in Social History* 21.
- Wright, T. (1984). *Coal Mining in China's Economy and Society, 1895–1937*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wright, T. (1991). Coping with the World Depression: The Nationalist government's relations with Chinese industry and commerce, 1932–1936. *Modern Asian Studies* 4, 649–674.
- Young, A. (1971). *China's Nation-Building Effort, 1927–1937: The Financial and Economic Record*. Hoover Press Publications, Hoover Institution Press.
- Yan Zhongping (1963). *Zhongguo mianfangzhi shi gao* (Draft history of the Chinese cotton industry). Beijing: Kexue chubanshe.